

Глава 20. Пять дней в Токио (часть пятая)

Шинджи убедился: поступил он правильно. После того как Ширайши начал обходить его стороной, оставшиеся дни больше не омрачались ничем, что могло бы его раздражать. На третий день пятидневного токийского путешествия Сакурако и Орико — под мёртвым, неподвижным взглядом Шинджи — вынуждены были сесть в машину его отца и уехать обратно в Канагаву.

«Совсем распустились маленькие дети вместо того чтобы ходить в школу взяли и сбежали развлекаться папа тоже хорош ну как можно так потакать Сакурако и Орико да и вообще когда папа только что приехал я совсем забыл предупредить его чтобы больше не оставлял Сакурако и Орико просто так у входа в парк они же такие хорошенькие вдруг кто-нибудь уведёт папа и правда безответственный...»

Проводив взглядом удаляющийся силуэт машины, Шинджи взял Баобэя за руку и направился к следующей точке маршрута — храму Сэнсо-дзи.

— Я что, маленький, чтобы за руку водить?! — Баобэй вырвал руку и отошёл в сторону, уставившись на Шинджи с нескрываемым отвращением.

«Нынешние дети совсем распустились ни капли миловидности а Баобао ведь был таким хорошеньким хотя сейчас конечно уже не таким как в детстве но всё равно ведь симпатичным так почему же Баобэй стал вот таким непонятно совершенно...» — бормотал Шинджи, ничуть не замедляя шага.

— Дурак Шинджи, мог бы и подождать! — Баобэй с премилой мордашкой сердито зыркнул на него и потопал следом.

— Мог бы заранее разузнать, что народу там будет столько, — буркнул Баобэй у ворот Сэнсо-дзи, по-прежнему хмуро буравя Шинджи взглядом.

— А. — Шинджи отозвался коротко, снова протянул руку и поймал запястье Баобэя, поправил теннисную сумку на плече и невозмутимо зашагал вперёд.

На этот раз Баобэй, на удивление, не стал вырываться. Если бы кто спросил почему — он бы, конечно, ответил: «А кто его знает, куда денется, если не следить».

Несмотря на толпу, к бассейну с очищающей водой у входа почти никого не было. Шинджи с теннисной сумкой на плече и Баобэем за руку без труда пробрались к каменному краю.

— Сначала ополоснись, Баобэй — станет легче, потом приятнее гулять будет, — сказал он,

снял с крючка маленький деревянный ковшик и протянул брату.

Баобэй взглянул на него и молча взял.

— Даже спасибо не скажет, совсем не мило, — пробормотал Шинджи, опустил сумку на бортик и тоже взял ковшик. Зачерпнул воды правой рукой, перелил на левую ладонь и тщательно её вымыл; потом снова зачерпнул — прополоскал рот, умылся; остатком воды из ковшика ополоснул правую руку, заодно протёр то место, за которое держался, и вернул ковшик на место.

Белая рубашка там, где вода плеснула на щёку, слегка намокла и стала почти прозрачной. Тёмно-синие пряди прилипли к лицу и поблёскивали капельками — одна упала на воротник и расплылась ещё одним влажным пятном. Бледная кожа от воды порозовела, отдав живым, здоровым румянцем. Губы сомкнуты в тонкую линию, голова чуть опущена; взгляд, мягкий и рассеянный, остановился на стоящем рядом мальчике с молочно-белыми волосами.

Именно это увидели двое, только что подошедшие к бассейну.

— Как хорошо всё-таки выйти подышать! — Мягкий, приятный голос, которому, казалось, сам шум многолюдного храма был нипочём. — Спасибо, что пришёл со мной, Санада.

— Не за что. Главное — поправляйся скорее, Юкимура.

— Как там теннисный клуб?

— Все тренируются серьёзно. Без расслаблений.

«Юкимура Сэйичи и Санада Гэнъичиро из Риккайдай?» Шинджи, только что наблюдавший за тем, как Баобэй умывается, поднял голову и взглянул на приближавшихся двоих — и сразу узнал обоих. Синеватые волосы, сине-фиолетовые глаза, тонкая фигура и точёные черты — Юкимура Сэйичи, первый красавец теннисного мира. А рядом — тот, кто никогда не снимает чёрную кепку, серьёзный, собранный, с аурой, которую невозможно не заметить. Санада Гэнъичиро, Император Риккайдай, кто же ещё. Но почему они здесь, в Сэнсо-дзи?

— Ты их знаешь? — Баобэй искоса посмотрел на Шинджи, достал из кармана платочек, промокнул лицо и руки и прикрыл глаза, скрывая замешательство. Может, ему это казалось, но ощущение всё крепло: Шинджи что-то от него скрывает. Вот прямо сейчас — откуда он знает этих двоих, когда успел познакомиться? А он, Баобэй, ни сном ни духом. Очень подозрительно.

— А. — Отрицать было бессмысленно, раз уж само вырвалось. Шинджи подхватил теннисную сумку и закинул на плечо. — Ополоснулся? Тогда идём.

Поравнявшись с ними и уже пройдя мимо, Юкимура тихо улыбнулся:

— Кажется, нас немного знают, Санада.

Император Риккайдай без тени улыбки обернулся.

— Расслабились, — произнёс он. Непонятно — к кому именно.

В этот момент сквозь гул толпы пробился голос Шинджи — негромкий, но с какой-то необъяснимой проникающей способностью, совершенно монотонный: «получается я их знаю а они меня нет но почему вообще Юкимура и Санада оказались в Сэнсо-дзи это очень странно Риккайдай ведь в Канагаве а они тут в Токио кстати во вторник я ещё и Янаги Рэндзи из Риккайдай видел странно они что все уроки прогуливают что ли...»

— Куда мы идём? — перебил его Баобэй с мрачным видом.

«С такой хорошенькой мордашкой и всё время хмуришься вот будешь так продолжать и станешь точь-в-точь как тот Санада», — Шинджи вытянул свободную левую руку и ткнул указательным пальцем в пухлую щёку Баобэя, моргнул. — «а куда идти я и сам не очень-то знаю раньше ведь никогда здесь не бывал хотя даже если бывал не обязательно же ходить каждый раз одной дорогой и вообще интересно зачем я припёрся в этот Сэнсо-дзи совершенно не такой как я представлял...»

Баобэй плёлся следом с убитым видом. Столько лет рядом — казалось бы, привык. Но каждый раз в такие моменты на него накатывала беспомощность.

— О, а вот уже и главный зал — быстро дошли. Японские храмы и правда маленькие. — Шинджи уставился на Будду, огороженного так далеко, что толком не разглядишь, и обернулся к Баобэю с кислым видом: — «в следующий раз точно не пойду в такие места ну что это такое почему нельзя подойти поближе стоишь издалека смотришь непонятно на что и даже не знаешь кому кланяешься вот и смысл тогда...»

Баобэй хотел было сказать, чтобы замолчал — вокруг же люди, все смотрят — но взглянул на невозмутимое лицо бормочущего Шинджи и почему-то передумал. Ладно уж. Главное, чтоб ему хорошо было.

— Если хочется посмотреть поближе, можно заплатить — монахи проведут внутрь! — раздался снова тот же мягкий, приятный голос.

— А. — Шинджи остановился и посмотрел на человека с тёплой улыбкой, стоявшего перед ним.

— Я Юкимура Сэйичи из Академии Риккайдай. А это мой друг Санада Гэнъичиро. — Пока он представлялся, взгляд его скользнул по теннисной сумке на плече Шинджи.

Санада, с видом вечно хмурым, кивнул.

— Ибу Шинджи. А это мой младший брат Баобэй.

— Ибу-кун хотел бы войти и посмотреть? — Изящные пальцы указали в сторону огороженного Будды; взгляд — с улыбкой, внимательный.

— Нет, — ответил Шинджи без обиняков.

Повисла неловкая пауза. Санада молчал. Баобэй — тоже. А самому Шинджи говорить первым было в общем-то нормально, но поддерживать беседу, искать темы — это уже другое дело.

— Эй, молодёжь, а гадание не хотите попробовать? — Голос принадлежал очень, очень старому человеку — именно так, дважды, потому что старым он был по-настоящему: лицо в глубоких морщинах, каждая из которых — след прожитых лет. Медленно, кряхтя, поднял он с земли палочку с предсказанием и, опираясь на ноги всем телом, вышел из главного зала. — Говорят, предсказания в Сэнсо-дзи очень точные!

— О. — Шинджи проводил взглядом удаляющуюся согнутую фигуру и подошёл к стойке с барабаном для жеребьёвки. — Баобэй, ты первый.

Баобэй, который уже было собрался отказаться, вдруг о чём-то подумал, взглянул на Шинджи, молча подошёл, взял из его руки монетку в сто йен, бросил её в щель, взял барабан, потряс — и одна палочка выскользнула наружу. Не глядя на Шинджи, он сразу же пошёл искать листок с соответствующим предсказанием.

— Юкимура-кун, Санада-кун — тоже попробуйте!

— Конечно. Но пусть Ибу-кун сначала, мы подождём, — мягко улыбнулся Юкимура.

Шинджи вдруг ощутил, как воздух вокруг словно переменился. Огляделся — и заметил, что у многих людей вокруг откуда ни возьмись повисли розовые мыльные пузыри.

Какое странное ощущение. Шинджи помотал головой, без лишних слов бросил ещё сто йен, вытряхнул палочку и задумался: попрошу об удаче в любви, пожалуй. Столько жизней прожито — и ни разу не влюблялся. Надо попробовать. Подобрал палочку с номером и направился к Баобэю.

— Почему опять хмуришься? — Баобэй стоял, держа в руках листочек с предсказанием, и всё никак не мог разгладить морщину на лбу. Шинджи левой рукой ущипнул его за пухлую щёку. — «неужели плохое выпало хотя эти вещи воспринимать буквально не стоит только как ориентир но я всё равно хочу знать что же Баобэй просил раз так расстроился хотя даже если плохое выпало унывать не стоит...»

— Наихудшее, — выдал Баобэй, отвоевал щеку, потёр покрасневшее место. — А ты что просил?

— Удачи в любви. И выпало наилучшее. — Шинджи нашёл нужный листочек и пробежал его глазами; краем зрения уловил, что лицо Баобэя потемнело ещё больше. — «получается мне просто везёт раз выпало наилучшее но ты Баобэй не переживай если повезёт — обо мне не забудут а про любовь — ты ещё маленький она ещё придёт не волнуйся...»

— Как удачно — мне тоже выпало наилучшее, Ибу-кун. — Тихий голос сопровождался едва уловимым ароматом; Шинджи долго, безуспешно пытался вспомнить, что именно так пахнет.

— О. — Он кивнул. Наверное, Юкимура просил о здоровье — в отличие от самого Шинджи, который зачем-то загадал удачу в любви. Если подумать — это даже странно: сложно представить себя влюблённым в кого бы то ни было. — А Санада-кун?

Санада посмотрел на него, чуть поджал губы и промолчал.

— Санада не тянул, — пояснил Юкимура с улыбкой; в сине-фиолетовых глазах промелькнул живой огонёк.

— Победа достаётся сильнейшим, — произнёс Санада. То есть — незачем просить.

Вот это характер, подумал Шинджи и покрепче сжал мягкую руку Баобэя.

— Я слышал, Ибу-кун говорил, что видел нашего Янаги из Риккайдай в Токио? — Юкимура листал листочки с предсказаниями, пальцы скользили по рядам; голос звучал тихо и как бы вскользь.

— Да, во вторник, в Парке Уэно. Правда, Янаги-кун меня, наверное, не знает. — Шинджи покосился на свой листочек. Странно — написано вроде бы по-китайски, а понять ничего не получается. Видимо, пиратские издания всё-таки ненадёжны.

— Санада, — Юкимура с улыбкой обернулся к нему, — Янаги во вторник был в Уэно? Выходит, от Канагавы до Токио не так уж далеко. Да?

— Совсем расслабились, — кивнул Санада.

— Хотя если это Янаги — наверное, собирал какие-то данные, — сказал Юкимура и развернул свой листочек. — Ибу-кун тоже так думает?

— Наверное. — Шинджи потянул Баобэя за руку. — Юкимура-кун, если больше нет ничего...

— Ибу-кун, — перебил его Юкимура, — раз уж мы так удачно встретились — пойдём купим молитвенные таблички? В храм прийти и не купить — считай, зря пришли. Идёмте! — и первым вышел из главного зала.

Шинджи вдруг подумал: ну и зачем он вообще обходил Ширайши стороной? Не помогло ведь ни капли. Иначе почему каждый раз, когда Юкимура улыбается, по спине пробегает лёгкая жуть? Иначе почему Санада всё не сводит с него острого, режущего взгляда?

«Нет я всё-таки ошибся не надо было смотреть на Ширайши и обходить его стороной надо было каждый раз выходить из дома с пакетиком соли и при виде его сыпать вот это было бы правильно уже два дня прошло а невезение всё равно по пятам ходит точно Ширайши виноват всё из-за него без вариантов...»

<http://bllate.org/book/18294/1761069>